

© Антонов О.В.

Антонов Олег Владимирович, аспирант кафедры философии и социологии Государственного учреждения «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского»

УДК 172.2 + 172.12 + 321.01 + 323.2

ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ВЛАСТЬ КАК НА ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье представлено социально-философское исследование государственной власти как объекта революционных изменений, субъектом которых является общество. Исследованием было установлено, что достоверность в определении необходимости радикального преобразования государственной власти всегда остается под вопросом. Критерии оценки подобной необходимости не могут быть эталонными, так как условия, в которых они применяются, всегда неодинаковы и каждый раз по-иному влияют на полученные результаты. Следовательно, решение, принимаемое в пользу революции, всегда субъективно и всегда основывается на заключениях, при выведении которых могла быть допущена ошибка.

Ключевые слова: государственная власть, революция, реакция, свобода, легитимность, субъективные оценочные суждения.

ФІЛОСОФСЬКИЙ ПОГЛЯД НА ДЕРЖАВНУ ВЛАДУ ЯК НА ОБ'ЄКТ СОЦІАЛЬНОЇ РЕВОЛЮЦІЇ

У статті представлено соціально-філософське дослідження державної влади як об'єкта революційних змін, суб'єктом яких є суспільство. Дослідженням було встановлено, що достовірність в радикальному перевтіленні державної влади завжди залишається під сумнівом. Критерії оцінки подібної необхідності не можуть бути еталонними, так як умови, в яких вони застосовуються, завжди неоднакові та кожного разу інакше впливають на отримані результати. Отже, рішення, що приймається на користь революції, завжди суб'єктивне і завжди ґрунтується на висновках, при отриманні яких могла бути допущена помилка.

Ключові слова: державна влада, революція, реакція, свобода, легітимність, суб'єктивні оціночні судження.

PHILOSOPHICAL VIEW ON STATE POWER, AS ON OBJECT OF SOCIAL REVOLUTION

The purpose of the article is social-philosophical research of state power, as of an object of revolutionary changes, the subject of which society is. The next methods were used for the task solution: dialectic, axiomatic, hypothetic, historic, as well as reflection, abstracting, analysis, synthesis, deduction, induction, reduction, prognostication, systems and synergetic approaches. The research established, that veracity of determination of necessity of a radical change of state power is always questionable. Criteria of assessment of such necessity can not be etalon, as their application conditions are always unequal and influence derived results differently every time. Consequently, decision to revolution is always subjective and is always based on conclusions, during illation of which an error could be made.

Keywords: State power, revolution, reaction, liberty, legitimacy, subjective evaluative propositions.

Постановка проблемы. Вопрос об изменении действующей государственной власти является краеугольным для современного общества, так как она является тем самым регулирующим звеном, от которого зависит качество функционирования и развития всей социальной системы. В первую очередь это касается именно революционного способа трансформации, ведь именно этот способ влечет за собой наибольшую опасность для стабильности социальной системы в силу своей резкости и радиальности. Поскольку революция, во-первых, является процессом социальным, во-вторых, разворачивается вокруг какой-либо идеи, некоторого мировоззрения, изучение ее воздействия на государственную власть автоматически становится предметом социальной философии. Настоящая статья посвящена социально-философскому осмыслению особенностей бытия государственной власти в контексте

общественной революции. Подобный анализ способствует устранению белых пятен, которые имеют место в научном знании об отношениях между обществом и государственной властью. В практической плоскости исследование содействует разработке стратегии, направленной на оптимизацию данных отношений, на повышение эффективности в их деконфликтизации.

Анализ последних исследований и публикаций. Философские мысли о проблематике взаимоотношений между обществом и государственной властью выразили в своих трудах В. Петухов, С. Рябов, Г. Филиппов, В. Трипольский, В. Пилипенко, А. Стризое, А. Колодий, Ю. Кужелок, В. Харченко, А. Толстоухов, О. Шморгун, В. Юрчишин, Я. Ведмидь, В. Бех, М. Грищенко, О. Вергун. Однако в данных исследованиях изменения, объектом которых является государственная власть, а субъектом общество, представлены довольно односторонне, преимущественно с точки зрения демократических преобразований. Целостный же социально-философский взгляд на бытие государственной власти в социально-революционном контексте этим работам не свойственен.

Цель статьи. Социально-философское осмысление государственной власти как объекта революционных изменений, субъектом которых является общество.

Изложение основного материала. Изменения государственной власти напрямую связаны с преобразованиями социальной системы. И это закономерно, поскольку первая является одной из наиболее важных составляющих последней. Государственная власть обусловлена существованием в определенной общественной реальности. Отсюда проистекает ее непреодолимая зависимость от общественных трансформаций. Социальные метаморфозы могут происходить в результате либо поступательных эволюционных изменений, либо резких кардинальных, революционных сдвигов. Оба способа общественного развития одинаковы с точки зрения своей цели, которой является прогресс человечества. Однако они совершенно различны в отношении методов, при помощи которых данная цель достигается. Эволюционный путь предполагает медленное и постепенное реформирование существующих отношений. Революция же стремится к безотлагательному сметанию наличествующего порядка вещей и радикальной его замене на новую, более совершенную модель организации. Вопрос о том, какой образ направленных на прогресс действий является наиболее целесообразным и приемлемым, стал причиной философского дискурса, участниками которого становились величайшие мыслители от древности до современности.

В рамках данного дискурса одной из наиболее аргументированных позиций, послужившей основанием для многих новейших представлений о генезисе государственной власти, можно считать кантовскую концепцию. Здесь держава изображается в качестве квинтэссенции социального развития. Ее появление обусловлено законом природы, тем же самым, который определяет формирование социума из отдельных, своевольно настроенных индивидов, а еще раньше – рождение Человека как венца целенаправленного саморазвертывания вселенной [3, с. 7-15]. Ядром этой доктрины стала теория общественного договора, согласно которой соглашение между членами общества знаменует их добровольный отказ от своей дикой, внеправовой свободы в пользу народа – целостного и единого носителя власти. Государственная власть предстает неотъемлемым атрибутом социального организма, естественным следствием заключенной внутри него сделки. Последняя объясняется не как реальный факт, но как идея, существующая в сознании каждого индивида и детерминирующая его поведение в соответствии с ее условиями [4, с. 236-237]. Для подобной системы взглядов революционные действия в отношении правящего субъекта являются неприемлемыми, более того, самоубийственными. Нигилизм (первая стадия любой социальной революции), направленный на государственную власть, отрицает основное условие общественного договора, а значит, автоматически отменяет всю социальную организацию [5, с. 86-96].

Логика, которая используется для обоснования опасности, навлекаемой революционным преобразованием действующей государственной власти, не вызывает сомнений. Однако, данная аргументация вращается внутри системы представлений об общественном договоре как о фундаменте государственности и социальной организации. Доказательства обнаруживаются и циркулируют внутри самой концепции, не выходя за ее пределы. Силлогический характер подобной системы представлений указывает на ее умозрительность и проистекающую отсюда идеалистичность, применимость в качестве высокой цели, морального императива, но не в качестве конкретного алгоритма социальной активности. С очевидностью проявляется некоторая оторванность обсуждаемых ценностных установок от реалий общественной жизни. Без ответа остается ряд вопросов. Каким образом должно реагировать население на ситуацию, когда ущерб от своеволия государственной власти превышает потенциальную угрозу, актуализирующуюся в

случае революции? Каковы методы и приёмы наблюдения, фиксации, контроль, характеристики и оценки подобного кризиса в отношениях между народом и его правителями? Способен ли человек объективно определить ту грань, после пересечения которой эволюционный путь себя исчерпывает и единственной альтернативой регрессу становится революция?

Исторический процесс показал, что человек зачастую ошибается, когда пытается подвергнуть сомнению действующую государственную власть. Доказательством подобных заблуждений являются реакции, которые неизменно наступают вслед за поразившими общество радикальными трансформациями. В период реакции социум подвергается рефлексивному осмыслению произошедшего. Как правило, в такие моменты наиболее четко прорисовываются ценности, утраченные в результате революционного сдвига, преобладающим настроением становится сожаление о их потере. Нередко ностальгия оборачивается непреодолимым стремлением вернуть всё то позитивное, что имело место в разрушенном порядке вещей и было насильственно отнято. Именно наличием положительных черт, которыми отличалась поглощенная революцией государственная власть, объясняется обязательность реакционного временного отрезка. При этом уже сам факт противопоставления данных характеристик свойствам новой, постреволюционной социальной организации свидетельствует о том, что среди последних есть и отрицательные. И чем они существенней, тем более горячо народ жаждет привнесения оставленных в прошлом благ в нынешнюю, резко измененную жизнь. Закономерность такого перетекания настроений - от революционных к реакционным - свидетельствует о неудовлетворительной критической способности человеческих масс. Умение правильно определить степень революционной необходимости оказывается весьма редким качеством, присущим ограниченному числу избранных, глубоко осознанных людей. В отличие от них «необразованные люди находят удовольствие в резонерстве и осуждении, ибо найти достойное осуждения легко, трудно познать хорошее и его внутреннюю необходимость. Начинаясь необразованность всегда начинает с осуждения, завершенная же образованность видит во всём позитивное» [8, с. 292].

Необходимость в мониторинге положительных свойств действующей государственной власти очевидна. Именно подобный анализ должен лежать в основе революционных решений. Их принятию должен предшествовать достаточно долгий период взвешивания того «хорошего», что есть сейчас и «плохого», могущего наступить в результате радикальных действий. Однако позволительно ли тратить время на раздумья о преимуществах существующего уклада, когда противоречия между державной элитой и обществом накалены до предела? В подобных случаях необходимо заглянуть вовнутрь подобных коллизий. Как показывает история, корень многих конфликтов между государственной властью и социумом лежит в несоответствии отдельных свойств первой ведущим трендам второго. При этом главное целевое предназначение системой управления выполняется. В данном контексте вопрос о необходимости революции звучит следующим образом: «Допустимо ли устранение рабочего основания во имя перестройки некоторых сторон социальной пирамиды?» (в использованной метафоре, вопреки общему правилу, государственная власть представляется в виде основания, а не вершины). Отвечая на указанный вопрос, необходимо помнить о социально-психологической аксиоме, позволяющей выработать определенное отношение к действующей государственной власти и к мотивам для ее изменения: «...так как легче выявлять недостатки, чем постигать позитивное, то легко впасть в заблуждение и, занимаясь отдельными сторонами, забыть о внутреннем организме самого государства. Государство – не произведение искусства, оно находится в мире, тем самым в сфере произвола, случайности, заблуждения; дурное поведение может внести искажения во множество его сторон. Однако ведь самый безобразный человек, преступник, больной, калека – всё еще живой человек, утвердительно, жизнь существует, несмотря на недостатки, а это утвердительно и представляет здесь интерес» [8, с. 285].

Необходимо отметить, что подобные «искажения» определяются в качестве таковых посредством оценочных суждений. Это означает, что отнесение тех или иных несоответствий между ожиданиями общества и реальными действиями государственной власти к разряду ее недостатков носит субъективный характер, то есть диктуется индивидуальной жизненной ориентацией того самого члена общества, который осуществляет данную классификацию. Однако суждения, основываемые на субъективной оценке, всегда вызывают подозрения относительно своей возможной ошибочности, предвзятости, несправедливости. Помимо этого им часто бывают свойственны изменчивость во времени и неоднородность в пространстве (по кругу лиц). Подобное непостоянство вызывает необходимость в поиске единого константного признака, краеугольного для любых проявлений недовольства по отношению к государственной власти, в особенности тех,

которые могут привести к ее радикальной трансформации. Анализ таких конфликтов определяет вычисляемый параметр, как непреодолимое, инстинктивное стремление к восстановлению ущемляемых свобод. Следовательно, когда государственная власть подвергается революционным потрясениям, их причина всегда находится в субъективном поле социума, воспринимающего какие-либо державные деяния в качестве посягающих на те или иные человеческие свободы (экономические, политические, национальные, религиозные, гендерные и т. д.). И наоборот, ограничение (возможно, несвоевременное расширение) свободы народа обязательно навлекает на государственную власть опасность революции. Однако правомерность последней всегда будет исчисляться, исходя из ниже приведенной формулы: «Государство... есть абсолютная, неподвижная самоцель, в которой свобода достигает своего высшего права, и эта самоцель обладает высшим правом по отношению к единичным людям, чья высшая обязанность состоит в том, чтобы быть членами государства» [8, с. 279]. Приводимый здесь приоритетный статус государства в целом дает обоснование и предоставляет иммунитет его фундаментальной регулятивной подструктуре – органам власти. Хотя, конечно же, социально-исторические реалии говорят о том, что абстрактно выводимый иммунитет не может гарантировать державному управлению непоколебимой защиты от революционных масс, радикально настроенных на приобретение какой-либо единичной свободы, даже если расшатываемое ими государство является наивысшим воплощением всей совокупности социальной свободы.

Таким образом, в глубине взаимоотношений между государственной властью и обществом всегда кроется противоречие. С одной стороны, наиболее мощным (с точки зрения культурно-генезисного потенциала) социальным инстинктом является непреодолимое стремление к свободе. Данное влечение возникло именно в результате необходимости совместного человеческого проживания, возможность для становления Человека открылась только в условиях бытия в обществе. С другой стороны, государственная власть – основа существования государства, которое является наивысшей формой общественности, – вынуждена так или иначе прилагать свою силу к свободе народа и делать это непосредственно для обеспечения наиболее важных социальных интересов. «Наивысшая задача «учреждения, действующего с механической необходимостью», состоит в том, чтобы деятельность каждого индивидуума вызывалась принуждением со стороны всеобщей воли, есть (поскольку эта всеобщая воля необходимо должна быть реальной в субъектах, которые суть ее органы и управители) задача, которой предпослано противоположение единичной воли воле всеобщей» [7, с. 220]. Обреченность на функционирование в условиях описанного (онтологического для державы) парадокса заставляет обладающую волей к самосохранению государственную власть искать способы дереволюционизации подвластного ей населения, то есть удовлетворения свойственного социуму инстинкта свободы при одновременном удержании последней в рамках, необходимых для сохранения системной целостности общественных отношений.

Разрешение данной коллизии состоит в обращении своей регулятивной функции не только на взаимодействие между людьми и их группами, но и на саму эту функцию. «Ибо если всеобщая государственная власть требует от человека только то, что ей необходимо, и ограничивает этим применяемые ею меры, то в остальном она может предоставить своим гражданам значительную свободу в их жизни и волеизъявлении» [6, с. 77]. Таким образом, главной задачей для государственной власти становится правильное определение того, «что ей необходимо». Сумев точно очертить круг вопросов особой важности, она сможет оставить за его границами предельно допустимый максимум свободных от строгой регламентации общественных отношений. При этом умение отделять нуждающиеся в контроле участки социальной жизни от тех, для которых он не желателен, можно охарактеризовать как наивысшее искусство. Это так, поскольку социум является открытой нелинейной системой, подверженной постоянным и, зачастую, непредсказуемым флуктуациям. Управление его структурами требует молниеносного реагирования на малейшие изменения в состоянии как общественной системы в целом, так и ее отдельных институтов. Точное пространственно-временное ориентирование требует от государственной власти обладания и виртуозного владения навыками, позволяющими при любых социальных потрясениях сохранять необходимую степень легитимности (анализ наиболее важных из них представлен в ранее опубликованных статьях автора [1; 2]). Последняя являет собой основной рубеж на пути у тенденций к радикальному изменению державной организации и напрямую зависит от объема самостоятельности, предоставляемого жителям страны. Таким образом, между чрезмерным зарегулированием свобод населения (содеянном даже из самых добрых побуждений) и революцией находится очень важная стадия утраты государственной

властью общественной поддержки, завершение которой можно считать точкой невозврата, началом конца для органов управления. «Механическая, осмысленная и подчиненная благородным целям иерархия ничем не проявляет доверия к гражданам и не вправе, следовательно, рассчитывать на доверие с их стороны» [6, с. 86]. Напротив, расширяя границы социальной независимости, государственная власть вызывает у людей благодарность, перерастающую в легитимность. Таким образом, можно считать «счастливым тот народ, которому государство предоставляет значительную свободу деятельности в вопросах общего характера, не имеющих первостепенного значения для государства в целом; саму же государственную власть, которая может найти поддержку в свободном, лишенном педантизма духе своего народа, – безгранично могущественной» [6, с. 87].

Однако не следует ставить знак равенства между максимально необходимыми и абсолютными либо неконтролируемо увеличивающимися объемами социальной свободы. Нужно сделать акцент на том, что самостоятельность общества обязательно должна быть ограничена. Отсутствие рамок или их размытость, или податливость народному напору неизменно влекут за собой коллапс государственной власти, а вслед за ней и всех социальных институтов, организационную основу которых она составляет. Именно в силу сложности, противоречивости данной задачи умение балансировать между неутоляемой жаждой свободы и ее обязательным сдерживанием, способность выявлять неизбежный минимум такого давления и своевременно подстраиваться под изменчивые общественные запросы является наивысшим искусством. «Не подлежит сомнению, что высшая государственная власть должна осуществлять верховный контроль над вышеперечисленными сторонами жизни народа и его сложившимися по воле случая или древнего произвола институтами, не позволяя им препятствовать осуществлению главных функций государства и обеспечивая в первую очередь эти функции, а в случае необходимости не щадить для этого второстепенные по своему значению системы прав и привилегий» [6, с. 82].

Итак, стремление членов общества к свободе является причиной революционного воздействия на государственную власть. Если последняя владеет искусством симбиоза с этим стремлением, радикальный потенциал не актуализируется. Несмотря на применяемые к нему оценочные суждения (положительные ли, отрицательные ли), данное положение вещей является фактом, неотъемлемым и неизменным элементом социальной действительности. Описанная обратно пропорциональная зависимость заставляет проанализировать и противоположную ситуацию, когда государственная власть не обладает нужными навыками для эффективного взаимодействия с социальным инстинктом свободы. Тогда ее авторитет понижается, а революционная настроенность населения, наоборот, возрастает. Эта корреляция также принадлежит к объективной реальности, а значит, не обуславливается колебаниями направленного на нее субъективного восприятия. Таким образом можно сформулировать следующее беспристрастное утверждение: стремление членов общества к свободе толкает их на революционные действия в случае, если государственная власть утратила легитимность из-за неспособности обеспечить одновременно удовлетворение данного желания и его ограничение. Значит, безопасность державы подчинена оценочному мнению, которое сложилось о ней в народе. Однако подобное суждение всегда в той или иной степени субъективно, то есть искажено, и не отражает объективной природы вещей. Стало быть, и основываемые на нём, радикальные по отношению к высшим органам управления, решения также могут быть несправедливыми. Отсюда исходит вывод, что революционная необходимость не может не подлежать сомнению. А единственным ее оправданием является упование на то, что представления революционеров о несостоятельности государственной власти больше приближены к действительности, чем отдалены от нее. В данном контексте небезосновательным выглядит предостережение, высказанное по этому вопросу Гегелем: «...на что способна такая чернь, которая, находясь во всех частных делах под постоянным контролем, еще в меньшей степени причастна к государственным делам и просто не подготовлена к тому, чтобы осознать сущность общей воли или действовать в духе целого, вернее, подготовлена прямо к противоположному» [7, с. 223]. В этом ракурсе совершенно закономерными кажутся ответные субъективные оценки, выносимые государственной властью в отношении недовольных ею членов общества. С одной стороны, они могут быть продиктованы стремлением удержать бразды правления. Но с другой стороны, государственная власть как социальный институт формировалась вокруг определенной сущностной идеи – служить общему благу посредством направления деятельности народа на его достижение. Поэтому, ее видение порядка, необходимого для системы межчеловеческих отношений, даже с поправкой на недостатки ее кадрового состава, аргіогі должно отличаться большей объективностью, полнотой и

всесторонностью, чем мнение неподготовленных к такому широкому углу зрения масс. Данное правило охватывает и возможность определения государственной властью правомерности либо неправомерности революционных претензий, «ибо эти эфоры в такой же степени суть одновременно частные воли, как и первые, и судить о том, обособилась ли их частная воля от всеобщей воли, может также правительство, как и эфорат о нем, причем это суждение может сразу же быть проведено в жизнь» [там же].

Выводы. Отношения, складывающиеся между такими сегментами (конструктами) социальной системы, как народ и государственная власть, сложны и неоднозначны. В особенности это касается актов воздействия, сутью которых является изменение, субъектом – общество, а объектом – держава. Прогресс человечества – достаточно весомое основание для приложения к государственной власти волевого усилия, направленного на ее модернизацию. Даже если для осуществления подобной стратегии избирается революционная тактика. Однако то, насколько верно была определена необходимость в радикальном преобразовании государственной власти, всегда остается под вопросом. Критерии оценки подобной необходимости не могут быть эталонными, так как условия, в которых они применяются, всегда неодинаковы и по-разному влияют на полученные результаты. Следовательно, решение, принимаемое в пользу революции, всегда субъективно и всегда основывается на заключениях, при выведении которых могла быть допущена ошибка.

Дальнейшие социально-философские исследования государственной власти как объекта трансформаций, субъектом которых является общество, позволят сформировать объективное знание о причинно-следственной зависимости между державной политикой и революционизацией общества. Выработанное понимание сути взаимоотношений между населением и его правителями должно лечь в основу разработки бесконфликтного, эволюционного пути их развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Антонов О. В. Социально-философский анализ условий легитимности государственной власти [Электронный ресурс] / О. В. Антонов // Грани. – 2014. – № 4 (108). – Режим доступа : <http://www.grani.org.ua/ua/graniarchive.html>.
2. Антонов О. В. Социально-философский анализ условий легитимности государственной власти [Электронный ресурс] / О. В. Антонов // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 2. – Режим доступа : <http://www.teoria-practica.ru/-2-2014/philosophy/antonov.pdf>.
3. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / И. Кант // Соч. в 6-и томах / Общ. ред. В. Ф. Асмуса и др. – Т. 6. – [ред. Т. И. Ойзерман]. – М. : Мысль, 1966. – С. 5–23.
4. Кант И. Метафизика нравов в двух частях / И. Кант // Соч. в 6-и томах / Общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – Т. 4. – Ч. 2. – М. : Мысль, 1965. – С. 107–443.
5. Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» / И. Кант // Соч. в 6-и томах / Общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – Т. 4. – Ч. 2. – М. : Мысль, 1965. – С. 59–106.
6. Гегель Г. В. Ф. Конституция Германии / Г. В. Ф. Гегель // Политические произведения / Отв. ред. Д. А. Керимов. – М. : Наука, 1978. – С. 65–184.
7. Гегель Г. В. Ф. О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве / Г. В. Ф. Гегель // Политические произведения / Отв. ред. Д. А. Керимов. – М. : Наука, 1978. – С. 184–275.
8. Гегель Г. В. Ф. Философия права : [пер. с нем.] / Г. В. Ф. Гегель ; ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.

Афанасьєв Олександр Іванович, доктор філософських наук, доцент кафедри філософії та методології науки Одеського національного політехнічного університету.

УДК 167

ПРО СПЕЦИФІЧНІСТЬ ОБ'ЄКТІВ ГУМАНІТАРНОГО ЗНАННЯ

Унікальність, складність, мінливість, активність об'єктів науки виявляються не тільки в гуманітарному, а й у природничо-науковому знанні. Це не дозволяє протиставляти гуманітарне знання природничому і швидше свідчить про їхню близькість.

Ключові слова: гуманітаристика, природознавство, унікальність, складність, мінливість, активність, науковість.

О СПЕЦИФИЧНОСТИ ОБЪЕКТОВ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Уникальность, сложность, изменчивость, активность объектов науки обнаруживаются не только в гуманитарном, но и в естественнонаучном знании. Это не позволяет противопоставлять гуманитарное знание естественно-научному и скорее свидетельствует о их близости.

Ключевые слова: гуманитаристика, естествознание, уникальность, сложность, изменчивость, активность, научность.

ON THE SPECIFICITY OF AN OBJECT HUMANITIES

Uniqueness, complexity, variability, activity objects of science are found not only in human but also in the natural sciences. It is not possible to oppose humanitarian knowledge of natural science, and more evidence of their proximity.

Keywords: humanities, science, uniqueness, complexity, variability, activity, scientific.

Порівнюючи гуманітарні та природничі науки, зазвичай звертають увагу на відмінність методів, цілей і особливо досліджуваних об'єктів. Очевидно, що гуманітарні об'єкти відрізняються від природничо-наукових. Питання лише в тому, чи достатньо цих відмінностей, щоб протиставляти самі науки, які їх вивчають. Дослідники, явно й інтуїтивно відчуваючи специфіку об'єктів гуманітарного знання, часто відзначали такі їх відмітні особливості: унікальність [14], індивідуальність і одиничність [2; 10, с. 90-91], складність [5, с. 485], мінливість, активність [1, с. 285]. Метою статті є обґрунтування тези, що названі риси не є винятковим привілеєм об'єктів гуманітарного знання.

Чи унікальні об'єкти гуманітарного знання? Вельми поширена точка зору, що гуманітарні науки більшою мірою орієнтуються на унікальні об'єкти, такі, як окремі особистості, або художні твори, в той час як людину, особливо її природні якості, без яких неможлива унікальна особистість, вивчають природничі науки, наприклад, біологія. «Кожен об'єкт, будучи неповторним у самих різних своїх деталях, унікальний як єдність сенсу у всій своїй повноті і в будь-яких тонкощах його матеріального втілення в чуттєво прийнятній формі» [4, с. 61].

У таких випадках нерідко змішують унікальне з одиничним. Тим часом розрізняти ці поняття досить важливо. Гуманітаристика часто цікавиться саме одиничним, тоді як унікальність не є специфічною особливістю її об'єктів. Одиничне співвідноситься із загальним і припускає розподіл обсягу поняття, маючи на увазі родовидові відносини. На цій підставі свого часу розрізнялися ідеографічні і номотетичні методи, підходи, науки. Ідеографічні, описові науки, що обмежувалися вивченням одиничних подій і фактів, відрізнялися від номотетичних, узагальнюючих і законоустановчих [2]. При всій обмеженості такого підходу не можна не відзначити його раціональне зерно: одиничне може бути особливою метою специфічного наукового дослідження, що значною мірою властиве саме гуманітаристиці. Найбільш яскраво це проявляється в сучасній мікроісторії. Представники цього напрямку намагаються описувати саме окремі одиничні явища, доводячи, що узагальнення та типізація можуть зашкодити точності фіксованих фактів і спотворити реальне функціонування важливих аспектів суспільного життя. Так, у відомій книзі «Сир і черви», що стала класикою мікроісторії, К. Гінзбург не вдається ні до закономірностей середньовічної доби, ні до типової поведінки людей того часу, а відтворює думки і поведінку фріуланського мірошника шістнадцятого століття, якого інквізиція засудила до смертної кари за неординарні думки про походження Бога й ангелів.